

УДК 340.15
ББК 67.400
М 42

Подготовлено при содействии НФПК —
Национального фонда подготовки кадров в рамках
программы «Совершенствование преподавания
социально-экономических дисциплин в вузах»
Инновационного проекта развития образования

Рекомендовано редакционно-издательским советом ГУ ВШЭ

Рецензент — профессор *М.Ю. Урнов*

ISBN 5-7598-0271-2

© А.Н. Медушевский, 2005
© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Феноменология конституционных циклов	10
1.1. Феномен цикличности: понятие, виды, динамика	11
1.2. Метод познания конституционализма: выведение понятий и границы их применения	17
1.3. Конфликт разума и истории: революционные циклы и их рассмотрение в эволюционистских теориях	29
1.4. Статика и динамика: теория экономических и политических циклов	36
Глава 2. Эволюционная модель конституционной цикличности (гибкие и жесткие конституции англосаксонского типа)	42
2.1. Теория и практика неписаной конституции и ее изменений	43
2.2. Жесткая конституция и ее изменение путем судебного толкования (США)	67
Глава 3. Революционная модель конституционной цикличности и поиск выхода из нее (Франция)	88
3.1. Режим парламентской ассамблеи: причины неэффективности	89
3.2. Методы принятия Конституции Пятой республики: конституционный переворот 1958 г.	98
3.3. Создание голлистской модели смешанной формы правления	105
3.4. Тенденции развития голлистской системы в сравнительной перспективе	112
3.5. Изменения Конституции Пятой республики на современном этапе	116
3.6. Влияние голлистской модели и границы применения	118
Глава 4. Возможности и пределы воздействия на развитие конституционной цикличности извне (Германия и Япония)	120
4.1. Принятие и развитие Конституции Японии: соотношение традиции и инновации	122
4.2. Принятие и развитие Основного закона Германии	136
4.3. Германия и Япония: общее и особенное в демократическом переходном периоде	150

Глава 5. Конституционные циклы в Южной Европе и стратегии выхода из них (модели договора и разрыва преемственности)	154
5.1. Большие периоды исторического конституционализма Испании	155
5.2. Конституционная модернизация в Южной Европе: модель разрыва (Италия, Греция и Португалия)	192
5.3. Преемственность и разрыв в конституционном развитии Греции	196
5.4. Преемственность и разрыв в конституционном развитии Португалии	208
5.5. Сравнение конституционной модернизации в Греции и Португалии	218
Глава 6. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе и стратегии выхода из них (модели договора и разрыва преемственности)	220
6.1. Общие факторы развития конституционализма Центральной и Восточной Европы	221
6.2. Конституционные кризисы в Восточной Европе и способы их разрешения	223
6.3. Номинальный, реальный и мнимый конституционализм	228
6.4. Модели переходного периода в Восточной Европе	235
6.5. Договорный процесс конституционных изменений в ходе «бархатных революций» (Венгрия, Чехословакия, Польша)	238
6.6. Модель разрыва консенсуса и правовой преемственности (Югославия, Румыния, Албания)	250
6.7. Конституционный процесс и политические доминанты: цикличность развития в Восточной Европе (Болгария)	261
6.8. В поисках стабильности: конституция, политический режим и выбор формы правления	265
Глава 7. От номинального конституционализма к реальному: большие циклы российского конституционализма	274
7.1. Три конституционных цикла и их особенности	276
7.2. Механизмы цикличности: конституирующая и конституционная власти	279
7.3. Централизация и децентрализация политической системы: меняющаяся концепция федерализма	287
7.4. От разделения властей к их объединению: форма правления и тип политического режима в России	292
7.5. Конфликт модернизации и ретрадиционализации: стратегии конституционной реформы в современной России	301
7.6. Третий конституционный цикл и возможности его корректировки	307

Глава 8. Конституционная цикличность в условиях постколониализма: различие стратегий в Азии	310
8.1. Выбор стратегии конституционного развития в ситуации постколониализма	311
8.2. От деколонизации к либеральному конституционализму (Индия)	313
8.3. От деколонизации к исламскому государству (Пакистан)	324
8.4. От деколонизации к номинальному конституционализму (Китай)	328
8.5. От деколонизации к султанизму (Филиппины)	333
Глава 9. Между теократией и правовым государством: цикличность конституционной модернизации в исламском мире	338
9.1. Исламский фундаментализм	339
9.2. Две революции в Иране: конституционная и исламская	342
9.3. Исламский конституционализм	347
9.4. Различные направления ислама и стратегии конституционализма	353
9.5. Создание и поддержание конституций путем военных переворотов в исламском мире (Египет, Алжир, Турция)	356
9.6. Попытка установления социалистического режима как формула разрешения конституционного вопроса (Египет)	358
9.7. Принятие концепции исламского государства для предотвращения торжества фундаментализма (Алжир)	362
9.8. Турецкая модель перехода к демократии: военные перевороты как корректировка конституционного развития	365
9.9. Конституционная ретрадиционализация в исламском мире	375
Глава 10. Конституционализм и ретрадиционализация: почему западные модели не реализуются в Африке	378
10.1. Поиск идентичности: конституции в условиях создания новых государств на Ближнем Востоке (Израиль и Палестина)	379
10.2. Основание государства без принятия конституции (Израиль)	381
10.3. Модель конституционного компромисса в Африке (ЮАР)	389
10.4. Модель разрыва: государственные перевороты и последующая легитимация в Черной Африке	394
10.5. Цикличность африканского конституционализма: ретрадиционализация и реконституционализация в Африке	398
10.6. Форма правления и политический режим: почему происходит отказ от разделения властей (Нигерия)	401

Глава 11. Демократия и авторитаризм: волны конституционной нестабильности в Латинской Америке	404
11.1. Причины конституционной нестабильности и виды проявления ее в Латинской Америке	406
11.2. Модели переходных процессов: договор, разрыв, их смешанные варианты и модификации	408
11.3. Ограниченный консенсус: специфика договорной модели перехода (Бразилия и Аргентина)	411
11.4. Договорный переход к демократии под эгидой армии (Бразилия)	414
11.5. Договорный переход к демократии, ограниченный партийным соглашением (Аргентина)	419
11.6. Модель разрыва, представленная как договор (Колумбия)	422
11.7. Конституционный переворот: от военного авторитаризма к неустойчивой демократии (Боливия)	425
11.8. Переворот, последующая легитимация и непоследовательная демократизация (Чили)	426
11.9. Демократия и авторитаризм: динамика переворотов и восстановления демократии (Мексика, Венесуэла, Карибский бассейн)	432
11.10. Пути преодоления нестабильности: слабое и сильное президентство	437
11.11. Метаконституционные полномочия президентства (Мексика)	443
Глава 12. Конституционная цикличность: типология, структура, механизмы действия	448
12.1. Типология конституционных циклов	449
12.2. Структура конституционного цикла: основные фазы, их содержание и динамика	455
12.3. Механизм конституционного цикла	499
Заключение	510
Библиографический список	512
Алфавитный указатель	554
«The Theory of Constitutional Cycles» by Andrey Medushevsky	571

ВВЕДЕНИЕ

Понять логику конституционного процесса всегда было задачей политической и правовой мысли. Действительно, развивается ли конституционализм в соответствии с жесткими законами или фактически остается в мире хаоса и непредсказуемости, случайной смены противоречивых тенденций? Если принятие обществом рациональной модели конституционализма является позитивным фактором в его развитии, то чем объяснить возвращения вспять? Наконец, если в течение последнего десятилетия доминирующей являлась тенденция либерального конституционализма, то не уступит ли она место реставрации авторитарных институтов, как это неоднократно имело место ранее? Конституционные революции и перевороты конца XX в., охватившие практически все континенты, но особенно бурно проявившие себя в Восточной Европе и России, заставили исследователей обратиться к системному анализу конституционной динамики. Очевидна теоретическая и практическая значимость этих вопросов для всякого, кто интересуется не только описанием реальности, но и возможностью прогнозирования и корректировки социального развития.

Предложенная нами концепция конституционных циклов стала ответом на эту потребность: она устанавливает соотношение статического состояния с состоянием изменения в рамках единого конституционного процесса, выявляет сходные фазы данного процесса в различные исторические периоды и в разных правовых культурах, наконец, интерпретирует механизм становления нового конституционного строя.

Подобно античной теории, усматривавшей началом вещей огонь, современная мысль конструирует процесс изменений как соединение различных элементов, комбинация которых дает новое качественное единство. Одним из важнейших элементов, определяющих стабильность всякой социальной системы и политического режима, признается право, прежде всего, основной закон — конституция, определяющая правила игры всех участников политического процесса. Стабильность системы, выступающая как единство юридической формы и социального содержания, есть, однако, скорее исключение, чем правило в мировой истории. Конфликт между ними имеет постоянный характер, создавая основу непрерывных (временами конвульсивных) изменений. Как справедливо подчеркивал знаменитый германский философ права Г. Еллинек, история права есть история революций в праве.

Для анализа конституционных изменений недостаточно разделять правовой и политологический подходы, необходимо понять воздействие различных факторов на конституционный процесс. Методология, принятая в данном исследовании, состоит в рассмотрении конституционного права и политических институтов как автономных факторов политического процесса с позиций неoinституционализма. Общий подход определяется неoinституциональной методологией, рассматривающей правовые нормы и

политические институты как самостоятельные, но взаимосвязанные, а факторы конституционализма как элементы, изучаемые с целью более четкого выяснения механизма взаимоотношения между ними в ходе современных конституционных преобразований. Этот подход противоположен двум традиционным — нормативистскому и социологическому — и представляет собой попытку их нового синтеза. Нас интересует влияние юридических норм (прежде всего действующей конституции) на институты и влияние последних на модификацию этих норм.

Выделенные два направления перекрещиваются на проблеме изменений конституции путем принятия новых конституций и внесения поправок в существующие. В результате право, институты и процедуры предстают как взаимосвязанное целое: прослеживается влияние типов правового регулирования, задаваемых принятыми правовыми нормами, на политический процесс и, одновременно, политических институтов и процедур — на конфигурацию правовых норм и их реализацию. Именно такой подход наиболее целесообразен для изучения ситуаций перехода от одной системы к другой и сравнительного изучения конституционных параметров этих трансформаций. Актуальность и справедливость данного утверждения возрастает при оценке конституционных реформ новейшего времени в странах, где идет «догоняющая правовая модернизация», а успех преобразований в значительной степени определяется избранием адекватной модели конституционализма и технологий ее реализации. Мы показываем, каким образом радикальные изменения конституций, разумеется, если последние являются реальными, не только отражают социальные перемены, но и выступают их мощным автономным фактором, играющим иногда опережающую роль в социальной трансформации.

Применение данного подхода к мировому конституционализму делает актуальными динамическую модель развития права, анализ конституционных кризисов, политических конфликтов, способов их направленного разрешения, а также выявления технологий управления им. В качестве познавательной модели при изучении этих явлений мы считаем возможным использование философской концепции цикличности. В истории мысли данная концепция всегда противостояла представлению об одномерном линейном развитии, а потому оказывается актуальной именно для выяснения повторяемости, присущей в той или иной степени всему мирозданию.

До настоящего времени теория цикличности развития разрабатывалась в основном экономистами и социологами (наиболее известным из них является Н.Д. Кондратьев). Вопрос о возможности ее использования в других областях знания, в частности как познавательной модели для социологического анализа конституционного развития, был едва намечен в литературе. В то же время такой подход содержит очевидные преимущества для исследователя. Он позволяет опираться на достижения классиков не только экономической и социологической, но также правовой мысли (А. Дайси, А. Токвиль, Г. Еллинг, М. Вебер, М. Острогорский, Р. Карре де Мальберг, Г. Кельзен) при изучении эволюции политико-правовых систем. Это предполагает сравнительный исторический, социологический, правовой, а в целом — философский подход к проблемам конституционализма и конституционных изменений.

С другой стороны, задача состоит в том, чтобы, используя этот подход, понять логику современных конституционных изменений, часто скрытую от непосредственных наблюдений и анализа в текущей повседневной жизни.

В современной литературе по конституционному праву разных стран (США, Франции, Испании, а в последнее время и России) все чаще можно встретить упоминания цикличности смены его фаз (например, тезисы о «циклах американской политической истории», о «циклах французского конституционализма» или о «больших периодах испанского конституционализма»). Концепция цикличности используется некоторыми исследователями при интерпретации конституционных процессов в развивающихся странах Африки, Азии и особенно Латинской Америки.

Не менее важен вклад и противников теории цикличности как вообще, так и применительно к конституционализму, поскольку они указывают на отклоняющиеся, гибридные формы, не вписывающиеся в строгую логику теории циклов. Однако системный анализ проблемы на сравнительном материале конституционных систем и институтов не проведен. Этим и определяется актуальность эмпирической разработки конституционных циклов.

Действительно, стабильность демократического перехода в условиях конфронтации переходных периодов связана не только с принятием либеральной конституции, но и с созданием системы гарантий от возврата назад (к предшествующей авторитарной модели). Это предполагает создание и постоянное воспроизведение на основании конституции того социального консенсуса, которого не было до ее принятия. Однако стабильность системы не гарантирована принятием нового права: соотношение новых конституционных норм и существующей социальной реальности может занимать целую эпоху, включая последовательные этапы их сближения, противопоставления и последующего органического синтеза норм старого и нового права. Так возникает основа для явления конституционной цикличности, выражаемого вводимыми нами понятиями деконституционализации, конституционализации и реконституционализации.

Общий замысел исследования — показать значение циклической модели для объяснения конституционных изменений, раскрыть сам механизм цикличности, ее основные фазы и динамику их смены, проявление ее в условиях радикальных конституционных кризисов. Структура книги включает три проблемных блока. Первый раскрывает феноменологию конституционных циклов с позиций философии и социологии права, реконструирует важнейшие исследовательские парадигмы и возможность их использования в конкретных исследованиях (глава 1). Второй блок представляет анализ реальных моделей конституционных циклов с учетом специфики их проявления в различных национальных правовых традициях — от эволюционных моделей к революционным; от правильных — к деформированным; от длительных циклов — к кратким колебаниям конституционной динамики (главы со 2-й по 11-ю). Третий суммирует результаты наблюдений о типологии конституционных циклов, их структуре и механизмах действия (глава 12).

В заключении сформулирован вывод о границах циклической концепции конституционализма, возможностях ее применения к различным регионам мира, а также перспективах практического использования для планирования конституционных изменений в странах, находящихся на стадии быстрых социальных изменений.

Глава 1

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦИКЛОВ

Теория цикличности является одним из важнейших компонентов западного понимания развития. В главе представлен проблемно-аналитический синтез западной философской традиции по вопросам, актуальным для конституционализма. В их числе: определение конституционных циклов; возможность познания конституционных циклов (и методы этого познания); виды циклов; их причины; структурные параметры (содержание); динамика цикла и его движущие силы; большие и малые циклы; фазы цикличности и анализ каждой из них; завершение циклов как начало новых циклов; возможность выйти за рамки закона цикличности; прогнозирование циклов (рационалистические методики); смещенные циклы; географические перемещения центров конституционной динамики; глобализация конституционных циклов.

1.1 **Феномен цикличности: понятие, виды, динамика**

Цикл (от греч. *kuklos* — круг) означает совокупность явлений, процессов, составляющую кругооборот в течение определенного промежутка времени. Наиболее четко цикличность прослеживается в природной жизни (например, лунные циклы или сельскохозяйственные циклы), однако издавна существовали идеи распространения этого понятия и на общественную жизнь.

Уже в глубокой древности возникли концепции естественной цикличности, сменившиеся затем библейской картиной Сотворения мира, падения и искупления, которые в Новое и новейшее время уступили место различным научным прогнозам, основанным на принятии методов цикличности. В основе лежал миф о вечном возвращении к истокам, представление о некоем «золотом веке» — первоначальной гармонии, которая была утрачена с развитием человеческой цивилизации, но может быть восстановлена в будущем. Циклизм вообще является характерной чертой всей западной политико-правовой мысли.

Было бы неверно, однако, рассматривать цикличность как исключительный феномен западной культуры. Он характерен для большинства традиционных религий и обществ — древних цивилизаций Индии, Китая. Исследователи Индии констатируют присутствие циклов в индийской космологии, находят их обоснование в разных религиях — буддизме, джайанизме и индуизме. Символом цикличности в буддизме являлось колесо. В древней Индии, согласно данной интерпретации, уже до нашей эры существовали аналоги теории цикличности и ее важнейших параметров. Это был миф, достойный Платона, и договорная теория, достойная Локка и Руссо, которая была представлена уже в Артахшастре (вероятно, за 400 лет до Христа). Идеал всемирной империи, отраженный в эпосе и законах Ману, выражался в имперском символе — колесе перемен. На материале индийской политической традиции стало возможно обсуждать вопросы соотношения тоталитарной теократии и светского государства, включающего представления о независимом общественном мнении и возможности легитимного сопротивления тирании (например, тирании монарха, нарушающего священные нормы). Цикличность китайской истории также стала постоянным объектом внимания.

Понятие цикла, применяемое экономистами и социологами для анализа динамики общественных процессов, целесообразно экстраполировать на такую область, как конституционные кризисы. Под циклами обычно понимают движение через последовательно связанные фазы: кризис, депрессию, оживление, подъем. Завершение одного цикла дает начало другому, который проходит сходные фазы. Идея

цикличности политического развития намечена в виде тезиса о циркуляции форм правления еще в античности Платоном, Аристотелем и особенно Полибием.

Циклическая теория в тот период была, возможно, слишком прямолинейна, однако она ставила значимый вопрос о логике смены и повторяемости политических режимов и их конституционного устройства. Древние, опираясь на представления о естественном праве (как проистекающем непосредственно из природы) и соответствующей ему идеальной форме правления, противопоставляли им реальность как отступление от этого идеального типа. Они четко различали в этой реальности правильные и неправильные формы правления, говорили об их цикличности. Платон и Аристотель создали концепцию циклической смены форм правления — демократии, олигархии, тирании. Обоснование цикличности Платоном (в диалоге «Политик») выглядит следующим образом: «Бог то направляет движение Вселенной, сообщая ей круговращение сам, то предоставляет ей свободу — когда кругообороты Вселенной достигают подобающей соразмерности во времени; потом это движение самопроизвольно обращается вспять, так как Вселенная — это живое существо, обладающее разумом, данным ей тем, кто изначально ее построил, и эта способность к обратному движению врожденна ей в силу необходимости...». Божественное начало — основной внешний импульс движения — остается вечно неизменным и тождественным само себе, однако созданный им космос подвержен переменам. В целом космос движется единообразно, путем внешних импульсов, в результате чего и возникает цикличность, но иногда система остается предоставленной самой себе и ее движение происходит, так сказать, по инерции. В результате возможно как прогрессивное развитие цикличности, так и регрессивное, возвращающее ситуацию вспять или ведущее к отклонениям в движении. Каков же механизм процесса? Когда, в предписанное время, космосу дается свобода (кормчий вселенной отпускает кормило и оставляет свой наблюдательный пост), космос «движется сам собой, предоставленный себе самому на такой срок, чтобы проделать в обратном направлении много тысяч круговоротов, благодаря чему он, самый большой и лучше всего уравновешенный, движется на крошечной ступне»¹. Космос, в отсутствии направляющего импульса, не останавливает циклического движения, но оно становится спонтанным — «продолжает вращаться под воздействием судьбы и врожденного ему вождения».

Данная концепция цикличности многое объясняет в политической философии Платона — деление социальных и политических форм на идеальные и реальные, причем последние подвержены цикличности — они возникают в результате отклонений (прежде всего биологической деградации людей). Концепция ведет к размышлениям о циркуляции форм правления под воздействием общества, а также о необходимости поиска механизма, способного преодолеть спонтанное (и потому

---

¹ Платон. Государство. Законы. М.: Мысль, 1999. С. 18—19, 22.

регрессивное) развитие общества. Такой механизм он находил в создании универсальных и жестких законов, в концентрации власти в руках узкой элиты — «пастухов человеческого стада, которых мы назвали политиками». Именно для достижения этой цели — легитимации власти в руках профессиональной элиты — философ говорил о необходимости «Большого мифа» или, точнее, о необходимости «разбудить спящий миф». Платон постоянно имел в виду несовершенство людей, искусство же царствовать или государственное искусство он сравнивал с пастушеским искусством, а политика — с пастухом «человеческого стада» безрогих, двуногих животных.

Важная сторона преодоления спонтанности — совершенство законов, основанных на разуме, и обеспечение жесткости их соблюдения. В «Законах» Платона проектируется своеобразный механизм защиты конституции — Сверхгосударственный орган охраны — Ночное собрание, в которое включены «десятеро самых престарелых стражей законов и все те, кто имеет отличия». Оно собирается тайно и именуется «якорем для всего государства». Этот институт призван спасти «все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное». Эти старцы, которые сравниваются с политическим разумом, размышляют о значительных вещах, дают свои советы и «спасают все государство в целом». Они призваны предотвратить такое явление, как «блуждание государственных узаконений», в котором нет ничего удивительного, поскольку «в каждом государстве цели законодательства разные». Подобно уму кормчего, врача или военачальника, ум государственного мужа должен иметь «единую цель». Это Ночное собрание претворяет в государстве космические законы. Если это божественное собрание будет создано, то ему надо поручить государство. Его члены должны быть тщательно подобраны и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей страной, и будут такими совершенными стражами по охране добродетели, каких люди не видывали в прежней жизни.

Аристотель, хотя был менее привержен жесткой концепции циклического развития, стремился в своей «Метафизике» ответить на ряд фундаментальных вопросов о природе движения, его формах и проявлениях. Отправной точкой его размышлений является противопоставление материи и формы, вечного и преходящего, сущего и возникающего, статичного и изменяющегося.

Центральной идеей при объяснении возникновения движения стала идея противоположности. Он внимательно относится к мысли о том, что «противоположности суть начала существующего». Констатировалось, что «существующие вещи и сущность слагаются из противоположностей, по крайней мере все признают началами противоположности». Понимая противоположность как «законченное различие», он усматривал в них причину конфликтности, возможность путем рационального научного анализа установить начала и концы, а в конечном счете исходя из причины установить цель движения. Данный подход был многим обязан концеп-

ции цикличности, так как именно циклическую форму движения мыслитель считал наиболее совершенной: «существует нечто вечно движущееся беспрестанным движением, а таково движение круговое»¹. Поэтому Аристотель в трудах как по физике, так и по политике стремился прежде всего отыскать сходные параметры явлений, определить их в виде обобщающих понятий, а затем установить их динамику и повторяемость. Хорошо известны его выводы о соотношении правильных и неправильных форм, переходе одних в другие, причинах государственных переворотов в «Политике». Сходная направленность исследовательского интереса на поиск повторяемости представлена в «Афинской политике» при описании тирании Писистрата, которая предстает не как уникальное, но скорее как закономерное явление, поскольку воспроизводилась несколько раз².

Идея циклов в государственном устройстве четко сформулирована Цицероном. «Изумительны, — говорил он, — бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве». Их не только можно познать, но и использовать в практической политике: «Если знать их — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила власти, — дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновенного мужа». Отвергая три крайние формы правления (власть царскую, оптиматов и народа, последовательно сменявшие друг друга в ходе цикла), он приходит к выводу об оптимальном характере смешанного вида государственного устройства, основанного на сочетании преимуществ чистых форм. Осмысливая «перемены в государственном устройстве», он видел их источник в изменении социальных форм, которые колеблются от одного крайнего варианта к другому. В результате чрезмерная свобода (демократия) приводит к разрушению общества и завершается рабством (тиранией). В этих условиях государственная власть никогда не остается стабильной: подобно мячу она переходит от одних правителей к другим (от царей к тиранам, от последних — народу или олигархам и т.д.). Искусство правителя, прозорливо отмечал он, состоит в возможности прогнозирования цикличности и четком представлении о содержании соответствующих фаз цикла. «Здесь опять повернется тот круг, естественное движение и оборот которого вам следует научиться узнавать с самого начала. Вот основа государственной мудрости, составляющей все содержание нашей беседы: видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему»³.

Учение о циркуляции форм правления стало, таким образом, важным выводом философии античности. Современные исследователи спорят о том, до какой

---

¹ Аристотель. Метафизика. М.: Мысль, 1976. С. 309.

² Аристотель. Политика. Афинская политика. М.: Мысль, 1997.

³ Цицерон. Диалог о государстве, законах. М.: Мысль, 1999. С. 67, 94.

степени жестко понимали эту цикличность различные авторы, начиная с Платона, и какое место они отводили возможности импровизации — возникновению различных промежуточных форм между основными, «чистыми» идеальными типами. В число существенных вопросов этой дискуссии входит соотношение так называемых правильных и неправильных форм, причин перехода одних в другие, движущих сил смены форм правления. Очевидно, что античная теория цикличности стремилась решить вопрос о том, до какой степени смена форм правления подчиняется жесткой логике теории циклов — всегда ли, например, демократия сменяется тиранией, а также какова может быть роль самой тирании в создании стабильного правления без революции. Решение проблемы предполагалось в более четком определении содержания различных форм правления, разделении их на правильные и неправильные, установлении крайних форм (монархии и демократии), а также анализе механизмов их смены (революций, реформ и переворотов). Данный подход открывал перспективы научной классификации конституций античного мира, типологии идеальных типов (или «чистых» моделей) и смешанных или «комбинированных» форм, отражающих переходные состояния, а также предоставлял возможность анализа факторов их легитимности и смены.

Теория цикличности форм правления нашла завершенное (и существенно упрощенное) выражение в концепции Полибия, которая выступает как своего рода идеальный тип данной модели. Согласно данной теории, наследственная монархия возникает благодаря вере людей в добродетельные качества первого справедливого правителя. До тех пор пока происхождение монархии и ее подлинная цель не забыты, эта система хорошо служит обществу. По прошествии времени, однако, потомки короля-основателя начинают верить в то, что правление принадлежит им по праву и что их власть должна служить для удовлетворения любого желания. Они начинают покушаться на частные права их подданных. Так монархия превращается в тиранию.

Когда этот режим становится непереносимым, некоторые из наиболее выдающихся, знатных и смелых подданных устраивают заговор для свержения монархии, и если их поддержит народ, монархия не замедлит прекратить существование. Народ избирает лидерами людей, сыгравших наиболее выдающуюся роль в борьбе с произволом, и таким образом тирания заменяется аристократией.

Этот режим, в свою очередь, также определенное время функционирует хорошо. Новые вожди, пользуясь оказанным доверием, правят на благо всего общества. Позднее правление становится наследственным, и с течением времени наследники первоначальных вождей вновь забывают происхождение и цель существующей политической системы, становятся высокомерны и злоупотребляют своей властью. Таким образом аристократия постепенно превращается в олигархию.

Наконец, когда положение становится нетерпимым, снова происходит революция, на этот раз исходящая непосредственно от народа. Из-за плохого опыта с

монархией народ не хочет возвращаться к этой форме правления. Единственной мыслимой возможностью, которая остается в этой ситуации, является сохранение власти в руках самого народа, и в результате олигархия заменяется демократией.

Данный политический порядок вновь работает хорошо лишь определенный период времени, до тех пор пока в народе сохраняется понимание таких обретенных ценностей, как свобода и равенство. По прошествии некоторого времени, однако, народ так привыкает наслаждаться свободой и равенством, что эти великие блага перестают что-либо значить для него. Индивиды и группы начинают бороться друг с другом за влияние и власть. На первом плане оказываются демагоги, которые знают, как завоевать последователей в народе, оказывая ему благодеяния за его собственный счет. В конечном счете результатом становится конец демократического режима, который прекращает свое существование в беспорядке и полной анархии.

Последний поворот колеса возвращает ситуацию к началу перемен: общество обращается к монархии, поскольку только она способна восстановить право и порядок.

Таков, по Полибию, естественный цикл чистых (и «простых») конституций. Единственный выход из этого порочного круга (цикла) конституций, согласно Полибию, может быть найден в смешанной конституции (по образцу институциональной системы Римской республики), которая представляет собой хорошо сбалансированную комбинацию всех простых конституций. Эта модель (элементы которой присутствуют у Платона и особенно у Аристотеля) есть ни что иное, как прообраз современной конституционной системы сдержек и противовесов¹.

Теория цикличности оказалась востребованной в западной политической мысли в Новое время, когда в ходе радикальных социальных и политических изменений возникла потребность в их рациональной интерпретации. Она представлена уже у Н. Макиавелли, развита Дж. Вико, который распространил идею цикла на все общество, размышлял о логике спонтанных изменений — приливах и отливах (*corsi* и *ricorsi*)². Французская революция (Кондорсэ) выдвинула идею линейного прогресса, который проходит различные стадии. В последующей философской мысли данная идея предстает в виде диалектической спирали Г. Гегеля и теории формаций К. Маркса, этапов прогресса (социальной статики и социальной динамики) О. Конта.

В новейшее время она находит своеобразную трактовку в философии и социологии культуры О. Шпенглера, А. Тойнби и П. Сорокина, в экономической теории — в концепции Н.Д. Кондратьева, а в политической социологии — в идее циркуляции элит В. Парето и в железном законе олигархии Р. Михельса. В дальнейшем идея

---

¹ Fritz K. von. *The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. A Critical Analysis of Polybius Political Ideas*. N.Y.: Columbia University Press, 1954. P. 60—61.

² Вико Дж. *Основания новой науки об общей природе наций*. М., 1994.

цикличности распространяется во многих других областях знания, оказывая влияние на разработку социологии знания (теория научных революций Т. Куна), экономических кризисов (Й. Шумпетер), стадий экономического роста (В. Ростоу), социологии конфликта и теории модернизации. Концепция экономических циклов, разработанная в XX в. Кондратьевым и Шумпетером, оказала в свою очередь влияние на развитие социологической теории циклов. Таким образом, концепция цикла имманентно присутствует во всех крупных философских, социологических и экономических теориях, стремящихся понять типологически сходные фазы развития социальных процессов и дать их сравнительное описание.

Современные критики циклизма как линейного развития, проходящего определенные этапы, выдвигают модели многонаправленности изменений, в которых большую роль играют факторы альтернативных стратегий, случайности и открытия. Они подчеркивают неравномерности развития, понимая под ним не различие в скоростях, а качественное различие путей и типов развития. Опираясь на традиционными понятиями, деятели радикальных социальных перемен создают качественно новые схемы развития. Суть в том, что эти теории возникали в периоды острых кризисов и являлись попыткой их объяснения. Все эти теории отрицают представление (свойственное как для метафизической философии XVIII в., так и для эволюционистских и позитивистских доктрин) о линейном развитии и прогрессе, когда каждый предшествующий этап готовит последующий, а тот в свою очередь есть шаг вперед к известной цели.

Эти исследователи предпочитают другую, менее определенную терминологию, говоря не о цикличности как закономерном процессе, а о динамике социальных явлений — рождении и упадке цивилизаций (О. Шпенглер), вызовах и ответах (А. Тойнби), смене демократии и диктатуры, циркуляции элитных групп (В. Парето), волнах демократизации. Однако они вынуждены констатировать, что всякая новая система приобретает известную устойчивость и может быть пересмотрена только в ходе следующего аналогичного кризиса. А это значит, что цикличность может выступать в специфическом выражении также в условиях неравномерного развития: модернизации и глобализации.

1.2   Метод познания конституционализма: выведение понятий и границы их применения

Обращение к понятию конституционализма делает необходимым его рациональный методологический анализ. В этой области знаний особенно заметно деструктивное влияние философских школ так называемого постмодернизма, общими па-

раметрами которых стали отрицание рациональных методов познания, релятивизм, проявления отчаяния и растерянности вследствие утраты творческой перспективы. Основные постулаты этой философии, уверенно сообщающей о конце истории и цивилизации, представляют собой реакцию неподготовленного массового сознания на крушение коммунистического эксперимента, резкие изменения общества в результате глобализации и технологических изменений. Социальный и политический кризис, о котором многократно заявляли сторонники данного направления, есть лишь ускоренная форма изменений, которые всегда заканчивались не крушением права, а появлением его новых форм.

Критическая философская теория со времен Канта и до настоящего времени откладывала позитивное познание до того времени, когда будет завершено исследование способности познания. В результате оказывается, что осмысление процесса познания должно иметь место до того, как начался сам процесс познания. Классическая дилемма, выражающаяся в попытке научиться плавать до того как войти в воду. Поэтому остаются актуальными наблюдения о важности философского трансцендентального (выходящего за пределы определенности рассудка) размышления, представление об истине как объективном знании, важности построения моделей, основанных на эмпирическом знании. Прав Гегель: «Где нет определенности, там невозможно познание. Чистый свет есть чистая тьма»¹.

Для теории конституционного права конфликт двух познавательных стратегий оказался особенно важен в странах Восточной Европы постсоветского периода, где практика рецепции либерального конституционализма шла с опережением теоретического осмысления его содержания и возможности применения в новых социальных условиях. До сих пор идет спор о том, каковы параметры конституционализма вообще, как соотносятся его классические формы и их модификации в условиях модернизации, каковы объективные параметры, позволяющие говорить о том, состоялся конституционализм или нет.

Для современного этапа необходима критика трех различных предрассудков в отношении истины: неоправданной самоуверенности, скептицизма, сомнений. Первый предрассудок исходит из того, что конституционализм есть очевидность, которая не нуждается в дополнительных определениях, а только в принятии к действию (его недостаток — игнорирование ситуаций, связанных с трудностями реализации конституции); второй — в представлении о полной неясности и непознаваемости данного явления (конституционализм как некая «вещь в себе», которую можно ощутить только тогда, когда происходит отказ от нее); наконец, третий предрассудок выражается в принятии самой идеи конституции, но отрицает возможность ее реализации в трудных условиях.

---

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 146.

Эти предрассудки представлены в отечественной литературе, причем не только научной. В современных интеллектуальных дискуссиях, прежде всего в российской публицистике, данные подходы отражают не только и не столько конфликт идеологий, сколько смену фаз цикла. Когда выдвигается одна из представленных позиций, выражающих оптимистическое или пессимистическое представление о конституционализме (например, об устойчивости конституции или, напротив, ее полной неработоспособности), спор ведется в абстрактных категориях, без выяснения фаз развития, сопоставления с разными периодами европейского конституционализма, выяснения относительной перспективности различных национальных моделей и учета различных исторических традиций (которые в свою очередь становятся объектами мифологизации и манипулирования).

Таким образом, споры о конституции имеют чисто идеологический характер, не продвигают вопроса по существу и не способны привести к каким-либо ясным прогностическим рекомендациям. Характерно, что в области конституционных исследований, чрезвычайно богатой в других европейских странах, в России нет ярких достижений. Нет интеллектуальных лидеров в этой области. Где российские Кельзен, Карре де Мальберг, М. Дебре? Российская правовая традиция, столь яркая на рубеже XIX—XX вв., оказалась уничтоженной в последующий период тоталитаризма. В то же время трудно объяснить такой феномен, как отсутствие ярких теоретических подходов в период конституционного кризиса конца XX в. Все основные идеи эпохи конституционной революции данного периода производят впечатление заимствованных. Одна из задач данного труда состоит в том, чтобы дав критику современного юридического мышления, показать перспективные направления его развития. Это становится возможным в рамках социологического подхода к праву, выявления цикличности конституционного развития, особенностей конкретных фаз этих циклов в России. До последнего времени элементы такого анализа предпринимались чисто интуитивно, в то время как они должны стать системной основой интерпретации правового развития в стране, где правовая система еще не укоренилась, а реальное функционирование правовых норм существенно отличается от декларируемых целей.

Отмеченные предрассудки массового сознания в отношении права и возможности его понимания связаны не с разумом, а со страхом, поскольку массовое сознание, как известно, руководствуется эмоциями, а не аргументами. Это приводит к чрезвычайно сильному воздействию данных предрассудков, которое отнюдь не соотносится с их реальным научным содержанием. Поэтому данный труд обращен прежде всего к читателю-философу, способному к аналитическому мышлению. Для некоторых изложенный подход недоступен, поскольку основан прежде всего на новой интерпретации смысла ключевых понятий, обычно воспринимаемых как некоторая стабильная данность. С этих позиций нами выдвигаются различные содержа-

тельные модели конституционализма (например, истинного, номинального и мнимого), проводится типология данного явления (исходя из различного объективного содержания конституций в разных типах обществ), поставлен вопрос о прогнозировании его функционирования. Именно на этой основе возможно в современных социальных условиях отстаивать традиционные ценности свободы мысли, совести и слова.

Значение философского метода чрезвычайно велико. Философия вообще осуществляет познание сущности в отрыве от внешней стороны явлений. Смысл философии в том, что она превращает представления в мысли, а мысли — в понятия. Результатом этих размышлений становится полноценный интеллектуальный продукт, например, открытие законов движения звезд или система законов, данная правителем Афин Солоном. Создание конституции также является подобным интеллектуальным продуктом, а закрепленные в ней юридические формулы — выражением философии права определенной эпохи.

Вообще смысл философских категорий выясняется при соотношении их с эмпирическими подходами. Особенность философского метода в том и состоит, что философ устанавливает (конструирует) понятия (модели, идеальные типы) независимо от всякого опыта. В идеале он исчерпывающим образом выводит не понятия из явлений, но, наоборот, явления из понятия, демонстрируя, каким образом внутренняя взаимосвязь и необходимость явлений вытекает из их общего понятия. В этом принципиальное отличие философского метода от метода исторической науки и других конкретных областей знания, задача которых состоит в отображении изменчивой конкретной реальности. При философском подходе речь идет поэтому не о механическом отображении явлений реальности (с сохранением индивидуальных фотографических особенностей), но о создании их идеализированного образа, идеального типа или модели, раскрытии внутреннего смысла и значения мировых событий. «Бессилие природы приводит к тому, что логические формы не воплощаются в чистом виде»¹. В этом смысле философский подход состоит в конструировании единого плана и определении цели деятельности.

Метод исследования состоит, следовательно, в движении к пониманию, промежуточные стадии которого фиксируются в виде идеальных моделей, а перспективная цель — в открытии постоянных структурных взаимосвязей, того абсолюта, познание которого всегда рассматривалось как высшая цель философской метафизики. Это движение к пониманию имеет постепенный характер и состоит в преодолении трудностей — антиномий разума. Они представляют собой противоречия самого познания и выражаются в возможности утверждения двух противоположных предложений об одном и том же предмете, при котором каждое из этих предложений познающий разум должен утверждать с одинаковой необходимостью. Пробле-

---

¹ Гегель. Указ. соч. С. 125.

ма заключается в том, что противоречие принадлежит не исследуемому объекту, а самому познающему разуму. Именно последний и должен найти выход из тупика.

Исследователи говорят о так называемых конституционных антиномиях, связанных с внутренними противоречиями всякого основного закона, и обсуждают трудности его адекватной интерпретации — толкования (так называемые трудные дела). Конституционные антиномии — имманентный конфликт норм, вытекающий из объективных противоречий принципов конституции (например, норм о национализации и праве собственности, светском характере государства и свободе совести, коллективных и личных правах и т.д.). Способами разрешения конституционных антиномий являются установление иерархии норм и их примирение путем судебного толкования.

Познание, следовательно, само имеет внутренне противоречивый характер, а его осуществление идет путем совершенствования понятий и логики рассуждений. Проблема дефиниций — появление конкурирующих понятий и вытеснение одних другими — важный составной элемент постоянного процесса осмысления реальности. Понятия являются основным инструментом познания-анализа (разделения) и синтеза (обобщения). В понятиях далее фиксируются его этапы (поскольку в силу бесконечности познания необходимо закреплять в дефинициях его этапы). Наконец, в понятиях формулируются доказательства истинности утверждений. Всякий спор возможен лишь постольку, поскольку стороны находятся в одной системе понятий, достигают согласия о некоторых исходных базовых определениях, а также критериях истинности утверждений. Согласно формуле Аристотеля, «определение — это обозначение». Теоретическая юриспруденция особенно заинтересована в чистоте понятий и их точности (хотя речь не идет о математической точности). Логика юридических рассуждений методом тождества или суждением от противного позволяет осуществлять образование новых понятий, вытеснять одни познавательные схемы другими. Таким образом осуществляется внесение света в темные углы мироздания до тех пор пока, говоря словами Фихте, исследуемый «предмет не превратится в единый поток огненного света».

Понятийный подход не может игнорировать важную современную тенденцию науки к анализу восприятия терминов, их смысла. Сложный характер восприятия всякого явления особенно важно учитывать при анализе конституционализма. В этой области чрезвычайно большое познавательное значение имеет классическая философская формула, противопоставляющая реальность вещи в себе и реальность вещи для нас, а также дискуссия о том, каким образом познающий субъект может перейти от одной (внешней) реальности к другой — содержательной, какие инструменты познания существуют для этого. Так, распространяя эту логику рассуждений на конституционное право, можно констатировать, что его внутренняя сущность отнюдь не всегда соответствует той интерпретации, которая доступна внешнему наблюде-

нию. Чего стоят в этой связи противопоставления «незримой конституции», принципы которой зафиксированы в сердцах, с одной стороны, и текста конституции, который, представляя собой позитивное право, доступен поэтому самым разным интерпретациям. Можно ли далее познавать «вечные» нормы конституции исходя из изменчивых положений позитивного права, и наконец, как следует интерпретировать сами эти положения (на основе буквы или духа права, истории или современности, того смысла, который закладывали в них авторы конституции или современные интерпретаторы, а возможно, и на основании тех целей, которые декларирует и стремится реализовать основной закон). В этом смысле конституция как реальность в себе и реальность для нас, которая появляется в процессе нашего восприятия, — могут вступить в чувствительное противоречие. Классическим примером такого противоречия является конфликт естественного и позитивного права, который может привести к конституционной революции. Для современной теории конституционного права важно поэтому разработать такую методiku толкования конституции, которая позволяла бы с минимальными издержками разрешать этот конфликт. Сложность философских категорий познавательного процесса находит выражение и дополняется сложностью юридического анализа (например, в случае необходимости анализировать не саму конституцию, а образ «образа»).

Дело в том, что конструирование права как целенаправленный процесс выдвигает на первый план его содержательную интерпретацию. В этом смысле можно сказать, что сознание создает вещи (например, юрист создает право). Однако сама категория этого юридического сознания является чрезвычайно неопределенной, возникает феномен множественности представлений об этом сознании в ходе последующего содержательного анализа правовых норм. В результате особую важность приобретает процесс предъявления «представления» в конституционном толковании, который может завести исследователя и толкователя в настоящий семантический лабиринт. Одна из причин — современные лингвистические и логические толкования языка закона. Появляются различные, в том числе и противоположные, трактовки правовых норм на уровне языка, возникают философские проблемы толкования самого «толкования». Данная ситуация заставляет вспомнить известную средневековую дискуссию о стабильности основных философских понятий — между реалистами и номиналистами. Главная проблема, разделявшая их, как раз и состояла в том, могут ли быть изменены божественной волей основные понятия, определяющие рамки возможной дискуссии. Очевидно, что само появление этих проблем представляет собой новое выражение конфликта разума и действительности.

В современной философии права обсуждение этой проблемы не только не завершено, но привело к появлению трех основных направлений — юснатурализма, юспозитивизма и правового реализма. Естественное право — философская доктрина, отстаивающая существование вечных и неизменных основ правовой организа-

ции общества, которые на разных этапах истории усматривались в законах природы, божественной воле, принципах разума или нормах этики. В развитии конституционного права данная доктрина играла как консервативную, так и революционную роль, формулируя конфликт между позитивным правом и идеальным правом (и соответственно использовалась принципиально различными политическими режимами). В Новое и новейшее время доктрина естественного права (особенно в рамках теории «возрождения естественного права») формулировала аксиологический подход к праву (его оценку с позиций этики), связанную с ним концепцию неотчуждаемых прав человека, ставшую идеологией современного либерального конституционализма. В этом смысле она составляет содержание различных направлений современного юснатурализма, объединяемых деонтологической трактовкой конституционного права. Деонтологическая концепция права — термин, буквально означающий рассмотрение правовой нормы как феномена, лишённого прежнего объективного субстрата. В правовой литературе деонтологический подход характерен прежде всего для сторонников теории естественного права (юснатурализма), интерпретирующих конституционные нормы с позиций их этической оценки (в противоположность теории юридического позитивизма и нормативизма).

Юридический позитивизм — философско-правовая доктрина, отдающая приоритет изучению действующих правовых норм. В области методологии он означает стремление к анализу реальных правовых фактов (в противоположность философским абстракциям теории естественного права); как научная теория рассматривает право как реализованный продукт человеческой воли и выстраивает исходя из этого соответствующую концепцию юридических норм, их иерархии и источников права. Может рассматриваться также как своеобразная идеология, отстаивающая реализацию позитивистской программы реформирования права и науки о праве. В наиболее четком и завершённом виде нашел выражение в концепции нормативизма. Нормативизм — направление классического юридического позитивизма, интерпретирующее объективное содержание права как совокупность юридических норм. Это направление противостоит теории естественного права и юснатурализму, поскольку предполагает полный отказ от философского обоснования права. Данный подход четко разграничивает задачи права, устанавливающие нормы поведения, и науки о праве, изучающей эти нормы. Юрист не создает права, он лишь констатирует наличие нормы и дает правовую квалификацию фактов. Наука права исходя из этого является не нормативной наукой (как полагает юснатурализм), а наукой о нормах. Система правовых норм характеризуется внутренней взаимосвязанностью и гомогенностью (отрицание пробельности в праве), проявляющейся в иерархии уровней правового регулирования, вершину которой составляет основная норма. Таким образом, Г. Кельзен впервые была предложена концепция целостного правового порядка, вся иерархия норм которого и их юридическая ценность

последовательно выведены из одного источника, составляющего вершину пирамиды — конституции. Основной критический аргумент против нормативизма — его этический релятивизм, ведущий в конечном счете к отождествлению права и государства.

Юридический реализм — направление англо-саксонской правовой теории, противостоящее как юснатурализму, так и юридическому позитивизму (нормативизму). Отрицая трактовку права как совокупности кодифицированных норм, реализм рассматривает в качестве аутентичного права лишь то, которое создается судьей в ходе его вмешательства в конкретное дело. Именно этот реальный анализ конкретной ситуации создает, согласно данной концепции, основу научного изучения права. Преимущество подхода реалистов усматривается в том, что в сфере их рассмотрения оказываются не оторванные от жизни формальные нормы, но социальные факторы, непосредственно определяющие поведение индивида в конкретных условиях. Ограничением данного подхода является известная абсолютизация патологических правовых ситуаций (т.е. не нормальное правовое поведение, а то, которое требует вмешательства суда). Кроме того, он не учитывает, что судья принимает решения на основе установленных правовых норм, определяющих его компетенцию и власть. С расширением влияния американской правовой теории данный подход находит своих сторонников в странах Европы (прежде всего в Скандинавских странах), где центральная для реализма идея эффективности права дебатруется в связи с трудностями адаптации общества к новым правовым институтам.

Различие трех философских подходов выясняется при обращении к спорным вопросам, например, определению того, что является пробелом в праве, и как он может быть ликвидирован. Пробел в праве — это отсутствие в действующем позитивном праве нормы или прецедента, регулирующих определенный круг вопросов и возникновение фактической необходимости в создании новой правовой нормы. С одной стороны, под пробелом понимается ситуация, когда закон в результате упущения или недосмотра законодателя полностью умалчивает о какой-либо сфере общественной жизни, подлежащей нормативному регулированию. В этом случае заполнение пробелов проводится с помощью методов аналогии или суждения от противного, т.е. на основании всего духа существующих законов. С другой стороны, пробел может образоваться, когда закон и толкующий его судья сталкиваются с новой ситуацией, в принципе не предусмотренной законом и возникающей уже после его принятия. В этом втором случае осознание «пробела» является значимым сигналом определенной конфликтной ситуации, выражением несоответствия нормы и действительности. В теоретической юриспруденции проблема пробела трактуется различным образом: если для одних пробельность является неотъемлемой чертой всякого развивающегося права, то для других (сторонников кельзеновского нормативизма) она вообще не имеет принципиального значения, поскольку любой про-

бел может быть заполнен исходя из иерархии норм путем судебного толкования. В теории и практике конституционного права очень важно определение того, как фиксируется ситуация пробела, кто и как должен его заполнять. В условиях острой дилеммы выбора чрезвычайно возрастает самостоятельность судьи в трактовке и определении права, роль судебного усмотрения, граничащая порой с законотворческой деятельностью.

Поиск синтеза различных подходов к определению содержания права нашел выражение в новом направлении — метаюриспруденции. Данная теоретическая концепция стремится разрешить традиционное противоречие между доктринами естественного права и позитивизма на более высоком уровне философской абстракции. В основе предлагаемого решения лежит рассмотрение их подходов не как взаимоисключающих, но скорее как взаимодополняющих друг друга типов логического и структурно-лингвистического описания правовых норм (дескриптивного и пре-скриптивного). В конечном счете метаюриспруденция предлагает аксиологическую концепцию права как реализованного минимума нравственности¹.

Современная философия права проводит разграничение онтологического и гносеологического подходов к конституционализму. Конституционный цикл соответственно также может рассматриваться как онтологическая и гносеологическая категория. Конституционный цикл в данном исследовании рассматривается в обоих смыслах — и как онтологическая и как гносеологическая категория. С одной стороны, мы изучаем реальные циклы или их фазы на материале разных стран. Здесь возникает ряд трудностей: не везде фазы цикла выражены четко, не по всем странам есть точное описание интересующих нас явлений. Специфика общественной жизни (в отличие от естественной) состоит в том, что социальные процессы действуют через сознание людей, которые могут влиять на динамику процессов. Это заставляет поставить проблему иначе: главным для нас становится социальное восприятие конституционализма, с одной стороны, и его внутренний содержательный анализ — с другой. Проблема легитимности конституционализма в обществе связана, как показано далее, с различными идеологическими трактовками этого понятия и социальными условиями рецепции самого феномена правового государства.

Эти либеральные идеи показали свою разумность (и, следовательно, действенность). Проблема, однако, заключалась в том, что они преодолевают национальные границы. Переход от национальных границ к глобальным некоторым исследователям показался концом современной цивилизации, хотя он скорее завершает длительный процесс контактов и взаимодействий цивилизаций в истории. Начиная по крайней мере с завоеваний Александра Великого, данный процесс проявил себя особенно

---

¹ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: ГУ ВШЭ, 2002.

заметно в период Великих географических открытий, охватив все континенты, а затем (с Петра Великого) нашел последовательное выражение в модернизации и догоняющем развитии. В этой перспективе такие явления, как глобализация, появление новых информационных технологий и экономическая интеграция мира выступают скорее как завершение процессов, готовившихся постепенно в течение предшествующей истории человечества. То, что называли модернизмом, а затем, крайне неудачно, «постмодернизмом», есть не что иное, как развитие одних и тех же непреходящих ценностей. В области конституционного развития — это ценности гражданского общества и прав личности. Во всяком случае, переход от национальных границ к глобальным наднациональным образованиям не только не отрицает, но скорее делает более актуальными достигнутые ранее общечеловеческие ценности.

В то же время понятие конституционного цикла есть познавательная категория. Она может быть определена с этой точки зрения как идеальный тип в веберовском понимании. Как всякий идеальный тип, конституционный цикл представляет собой мыслительную конструкцию, обобщающую наиболее общие, типические черты данного явления, рассматриваемые независимо от конкретных ситуаций. Методологические трудности и ограничения использования модели конституционного цикла будут подробно показаны далее. Главная из них состоит в сложности сравнения конституционных моделей разных типов обществ, где использование одних и тех же понятий (как, например, «конституция», «контроль конституционности», «права личности») не только не тождественны, но имеют выраженные отличия, связанные как с различием культурных, религиозных, исторических традиций, так и с особенностями формы правления, политическим режимом, а также с условиями национальной политической ситуации. Наконец, следует принимать во внимание стадийное различие в реализации конституционных форм, которое может привести к неоднозначному пониманию их смысла. При учете всех этих пересекающихся направлений возможных различий, которые следует иметь в виду компаративисту, на память приходит образ Гулливера, стремившегося объяснить английскую политическую систему сначала лилипутам, а затем великанам, и вынужденного использовать для этого различные образы.

Гносеологический подход к конституционализму предполагает выявление особенностей данного явления с точки зрения теории познания. Основной вопрос здесь заключается в том, насколько данное явление познаваемо вообще. Некоторые исследователи говорят о непознаваемости конституционализма.

Мы полагаем, что познание истины возможно путем соединения опыта с размышлением. Истинность при этом есть согласие некоторого содержания с самим собой (а не согласие предмета с нашим представлением о нем). Этот подход позволяет применить феноменологическую теорию познания, различающую такие понятия, как вещь в себе и для нас, сущность и явление, возможность познающего субъекта

через анализ явлений приблизиться к познанию сущности. Согласно удачной формулировке Спинозы, знание истины столь же очевидно, как утверждение, что «три угла треугольника равняются двум прямым». Истинное при этом есть «показатель как самого себя, так и ложного»¹.

При изучении конституционализма особенно остро встает проблема критериев данного явления как истинного или ложного, поскольку существует много разновидностей данного явления, которые лишь внешне (формально) сходны с ним, но на деле представляют собой его противоположность. Речь идет, разумеется, о типах номинального или мнимого конституционализма. Возможно несколько интерпретаций «ложного» с точки зрения философии. Уже Аристотель отмечал, что это сложное понятие, которое может интерпретироваться как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле. С одной стороны, ложен может быть сам факт существования предмета; с другой, при реальности существования предмета ложной может оказаться его интерпретация: примером служат теневой рисунок и сновидения, которые хотя и представляют собой нечто, но «не то представление, которое они вызывают». Итак, Аристотель констатировал: «вещи называются ложными в этом значении или потому, что они не существуют, или потому, что вызываемое ими представление есть представление о несуществующем»². В данном исследовании важно иметь в виду обе интерпретации ложного, первая из которых применима к ситуациям, когда конституция не существует как объективная реальность; вторая — к тем, когда конституция выступает как некоторая реальность, но на деле оказывается химерой. Между этими двумя вариантами не существует непроходимой границы, поскольку возможно представить ситуации, при которых ложное восприятие некоторых явлений продолжает существовать даже тогда, когда заканчивается объективное существование причин, их породивших (например, сохранение ошибочных стереотипов о конституционности власти, которая, перестав соответствовать этому представлению, некогда давала повод интерпретировать себя как конституционную).

Предметом философского изучения должна стать сложная природа понятия конституционализма. Вообще современные дискуссии о понятии «конституция» напоминают споры о том, как следует истолковывать Священное Писание. В этом нет ничего удивительного, учитывая феномен сакрализации конституций в демократических странах, когда они объявляются «Светской Библией».

Рассмотрим критический инструментарий современных конституционных теорий.

Во-первых, это спор о реальности конституционализма. В данном контексте чрезвычайно актуален средневековый спор номиналистов и реалистов. Номинали-

¹ Спиноза Б. Трактаты. М.: Мысль, 1998. С. 389.

² Аристотель. Метафизика. С. 177.

сты исходили из представления о том, что общие понятия («универсалии») — это просто названия. Реально существуют не понятия, а отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Понятия же — лишь общие имена, которыми обозначаются сходные предметы, но которые не отражают свойств и качеств единичных вещей. Реалисты, напротив, полагали, что общие понятия существуют реально и объективно и предшествуют существованию объективных вещей. Данный спор касается непосредственно такого понятия, как конституционализм: существует ли идея конституции в современном обществе независимо от ее конкретных воплощений и можно ли говорить о конституции в случае отсутствия соответствующих институтов.

Во-вторых, важный вопрос о точном смысле понятия конституции: сводится ли оно к тексту Основного закона, включает ли последующие авторитетные толкования или должно быть открыто для рациональной интерпретации с позиций здравого смысла в его современном понимании. Важным революционным шагом в интерпретации Библии стала попытка ее рациональной критики в Новое время. Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» поставил ряд проблем, сходных с теми, которые дискутируются современными конституционалистами. Для установления точного смысла священных законов он предлагал ввести определенную градацию сведений о них исходя из их информационной достоверности. В связи с этим он проводил имманентную критику священных текстов (исходя из их исторического, логического и лингвистического анализа); мыслей пророков (подлинных и приписываемых им), и от них переходил к детальному анализу смысла каждого пророчества, откровения и чуда (для чего давались точные определения этих понятий и устанавливалась степень достоверности свидетельств о них). Он подчеркивал необходимость соблюдения предельной осторожности, чтобы «не смешать мысль пророков и историков с мыслью Святого Духа и истиною вещи». Сходным образом, дилемма современного конституционализма состоит в том, чтобы не подменить дух или даже текст конституции ее неадекватным толкованием.

В-третьих, вопрос, также имеющий теологическую природу, о том, может ли божественная воля (или суверен) менять однажды данные ею установления и если да, то в какой форме. В теологической литературе данная дилемма формулировалась следующим образом: может ли Бог менять установленные им самим законы мироздания. Естественный закон универсален, неизменен и действует независимо от создавшей его воли или он способен меняться в соответствии с изменением этой воли?¹ В области конституционного права решение проблемы выражает позицию создателя конституции — суверена в отношении текста основного закона.

В результате методологической критики понятийного инструментария приходим к выводу о возможности принципиально различных представлений о консти-

---

¹ Блаженный Августин. О Граде Божиим. М.: Харвест, 2000.

туционализме и его изменениях, а также представлениях о динамике подобных изменений. Первой проблемой является вопрос о познаваемости конституционализма. Прежде всего отбросим взгляды тех, кто отрицает саму возможность научной интерпретации данного феномена. Однако и для сторонников рационального подхода нельзя констатировать единства мнений.

Другой проблемой становится определение границ этого понятия. Одни исследователи склонны понимать конституционализм как чрезвычайно абстрактное понятие с неопределенным содержанием, которое может быть установлено только в ходе практики его применения; другие, напротив, считают, что это понятие вполне определено и реально. Соответственно различен масштаб понятия: если одни включают в него не только собственно юридические параметры, но и общекультурные, то другие являются сторонниками узкой (юридической) трактовки.

Сохраняет значение вопрос о характере развития конституционализма и возможности отыскать в нем какую-либо внутреннюю логику. Как соотносятся формальные и содержательные параметры развития; спонтанность и направленность этого процесса; возможно ли отыскание его внутреннего смысла?

1.3   Конфликт разума и истории: революционные циклы   и их рассмотрение   в эволюционистских теориях

Конфликт разума и исторической традиции — определяющий фактор рационалистической интерпретации циклов общественного развития. Глубокий социальный конфликт, породивший революции Нового и новейшего времени, позволил сконструировать новые интерпретации цикличности. Все эти интерпретации основывались на рациональном подходе к обществу, стремлении отыскать единственный доминирующий фактор его развития, сформировать теорию социального развития как циклической смены фаз (Гоббс, Руссо, Кондорсе). Суть этих взглядов определялась следующими основными постулатами: мировая история есть рациональный процесс, который объясняется теорией прогресса человеческих знаний (Кондорсе). Дж. Вико говорит о цикличности как идеальном типе (состоящем из трех фаз) и цикличности как реальном историческом явлении (все народы проходят три цикла, каждый характеризуется определенными экономическими, социальными и политическими институтами). Данная линейная концепция открывала перспективы стадийных сравнительных исследований и теоретически указывала на возможность социального планирования¹.

---

¹ Chevallier J.-J. Histoire de la pensée politique. Paris: Payot et Rivages, 1993.

В центре оказалась проблема конфликтности разума и истории: следует ли в конструировании общества опираться исключительно на рациональные научные представления (разумные принципы или законы) или же необходимо соотносить социальные изменения с историей общества (традициями, представлениями и пр.). Первый подход доминировал на стадии революционного разрушения старого порядка, когда возникало представление о возможности простого уничтожения традиционалистских институтов и создании новых, рациональных. В основе революционной модели также лежала определенная циклическая концепция, заимствованная из предшествующей теологической традиции. Так, Руссо выделял три основных стадии развития общества, смена которых могла иметь циклический характер — первобытную дикость (которая представала как «золотой век»); цивилизацию (становившуюся воплощением неравенства и эксплуатации) и наконец, потенциально возможную в результате революции третью стадию — социальной гармонии, которая возможна в результате революции. В итоге становилось возможным возвращение к исходному гармоническому состоянию. Таким образом, руссоистская модель выступала как смена фаз развития общества, направленная на обретение социальной гармонии.

Уже в ранних произведениях Руссо выступил с критикой современного ему гражданского общества и правового государства. Он последовательно отвергал его экономическую систему, например, критиковал собственность в «Рассуждениях о происхождении неравенства», отрицал позитивные социальные следствия научного знания в «Рассуждениях о науках и искусствах».

Причиной социального конфликта, по мнению Руссо, является переход от гармонического первозданного состояния дикости к гражданскому состоянию, возникающему в результате общественного договора. Механизм конфликта — развитие неравенства в результате роста знаний (просвещения) и появления новых технологий, следствиями которых неизбежно становятся разделение труда и появление собственности. Соответственно политическим выражением противоречия становится конфликт общества и власти — народной воли и старого порядка. Отсюда вытекает идея революции, которая установит торжество народной воли.

В этом смысле основное творение Руссо «Об общественном договоре», заложившего ту модель цикличности, которая позднее встречается у других утопических мыслителей, стремящихся (как, например, Маркс) увидеть контуры идеальной системы будущего в глубоком прошлом. Цикл завершается: человечество вновь возвращается к первозданному естественному состоянию, которое имело место в древности (до заключения общественного договора), но было утрачено с развитием цивилизации. Цикличность этого движения проявляется особенно четко в конкретных политических проектах мыслителя, где (как, например, в «Проекте конституции для Корсики») утверждается необходимость сохранения первоначального (дикого) образа жизни ее народа (он готов даже простить ему «склонность к воровству и убий-

ствам»): обоснование закрытого государства с патриархальной демократической формой правления, отрицательным отношением к торговле и финансам, где господствует культ земледелия и сильной (национальной) армии — излюбленные идеи Руссо. Эта система является закрытой (отрицание заимствований во всех формах); неподвижной (отрицание торговли и финансов), аграрной (преобладание земледельческого производства над всеми прочими), основанной на коллективизме и полной интеграции индивида в традиционные социальные структуры. Он стремится сблизить два «организма», которые обычно разделяют, «организм, который управляет, и организм, которым управляют»¹.

Если Руссо усматривал основу цикла в конфликте традиционного коллективистского образа жизни и новых технологий, то Монтескье — в социальных противоречиях, изначально присущих демократии. В «О духе законов» он дал подробное теоретическое обоснование перехода одних политических режимов в другие, связав воедино такие параметры, как природа правления, форма правления и принцип правления. Проблема закономерностей смены республиканской формы правления тиранией была центральной уже в первых работах Монтескье и прежде всего в «Персидских письмах». В этом контексте рассматривалась борьба республиканских и монархических начал (гражданские войны и диктатура Цезаря), трансформация Римской республики в принципат (установление демократического цезаризма Августа), а затем — появление тиранической имперской модели правления, достигшей при Тиберии абсолютного характера с изменением сути закона об оскорблении величества — уже не народа, а цезаря. Таким образом выявлялись фазы единого процесса конфликтной трансформации политического режима, которая затем неоднократно воспроизводилась в истории разных государств, что позволило автору сделать вывод об определенной закономерности данной циклической динамики. В отличие от Руссо с его наивным представлением об отступлении от добродетели как основе циклической динамики, Монтескье вовсе не идеализировал природу человека и видел в последующих фазах процесса трансформации политических режимов лишь логическое следствие предшествующих. Его интересовали социологические факторы, приведшие к утрате единства политической системы (географическое расширение, сословный строй, институты, роль армии), ее раскола (в ходе гражданских войн) и различные попытки стабилизации (от идей восстановления республики до установления неограниченной власти цезарей)².

Именно Монтескье принадлежит важное социологическое наблюдение о связи революций с установлением авторитаризма: из потрясений гражданской войны, ведущейся во имя высших целей, государство выходит более сильным в военном от-

¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М.: Терра, 2000.

² Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-Пресс, 2002.

ношении (мобилизация граждан-военных), однако это ведет к эрозии республиканской системы правления. Система, возникшая в результате гражданской войны, изначально провозгласившая власть народа, как пророчески заключает Монтескье, вскоре полностью отстраняет его от участия в законодательной власти и даже от выбора своих представителей, сведя остатки сенатской демократии к фарсу. Позднее именно так происходил переход от демократии к авторитаризму в постреволюционной Франции, Веймарской республике и в России. Античная концепция циркуляции форм правления получила здесь новое социологическое обоснование.

Иной подход к цикличности имел место в постреволюционные эпохи, когда становились очевидными неудача революционного проекта и преемственность исторического развития. В этом контексте приобретала значение эволюционистская теория истории, в центре которой оказывалась циклическая модель. Для данного подхода циклическая модель служила обоснованию необходимости возврата к исходным (дореволюционным) порядкам (Констан, Местр, Шатобриан)¹. Для теории конституционализма представляет значение группа консервативных авторов, которые обращались к цикличности, например Местр и Бональд, Берк, Токвиль, Шатобриан, возможно, Гизо и католические авторы. Именно они дали концепцию цикличности французской конституционной истории (особенно писатель и политический мыслитель Шатобриан).

Местр обосновал свою теорию цикличности в «Рассуждениях о Франции». Он говорил о спонтанном развитии революции, мощь которой не знает преград, но в то же время подчеркивал цикличность революционных волн. Местр сконструировал свою теорию цикличности на основе переосмысления конституционной истории Французской революции. Данная теория включала ряд основных параметров. *Во-первых*, представление о спонтанности и иррациональности революционных движений: революция совершается «сама собой», а ее самые деятельные персонажи — не более чем символы происходящих перемен (не они управляют событиями, а события влекут их с неудержимой силой). *Во-вторых*, идея о наличии в этих событиях некоторой внутренней логики, ведущей к появлению сходных этапов развития. Если революционный цикл начался, то он не может остановиться на половине. Отсюда парадоксальный вывод: если революция началась, то монархия могла быть спасена только благодаря установлению диктатуры, т.е. прохождением всех фаз революционного цикла вплоть до окончательного торжества революционного чудовища, «опьяненного кровью и успехом». *В-третьих*, возможность усмотреть в этих этапах фазы большого революционного цикла, который связывает начало процесса (собственно «революцию») и его конец («контрреволюцию»). Только спонтанная логика революции, завершающей свой цикл, открывает путь контрреволюции как вполне зако-

---

¹ Constant B. *Ecrits politiques*. Paris: Gallimard, 1997.

номерному явлению, принимаемому обществом. Местр цитировал предсмертную фразу «короля революции» — Мирабо, сказавшего, что если бы он выжил, то «собрал бы разбросанные части монархии».

С этих позиций Местр («Рассуждения о Франции». Гл. 6. «О божественном влиянии в политических конституциях»)¹ проанализировал логику смены французских конституций периода революции: Конституция 1791 г. — «прекрасный памятник безумству», Конституция Кондорсе (проект 1792 г.) — «никогда не была подвергнута испытанию, она этого не стоила», якобинская Конституция 1793 г. была «делом рук немногих головорезов», Конституция Директории определялась как Пентархия, которая носит искусственный механистический характер, существует на бумаге и нарушается в зависимости от интересов правителей. Со временем она уступит место восстановлению «истинной монархии».

Возникшая начиная с 1815 г. популярность «Рассуждений о Франции» Местра объяснялась тем, что современники приписывали автору дар пророчества, поскольку он достаточно точно описал реставрацию монархии за восемнадцать лет до этих событий. В девятой главе «Как произойдет контрреволюция, если она случится?» дана характеристика методологии данного пророчества, которая основана на представлении о цикличности всякого крупного социального конфликта, фазы которой связаны с изменением психологических настроений его и позиций элитных групп. Революционная эпоха представляет собой период завышенных ожиданий и, следовательно, характеризуется нестабильностью («энтузиазм и фанатизм отнюдь не бывают состояниями устойчивыми»). Этот «уровень повышенной возбудимости» или даже «приступ горячки» быстро «утомляет человеческую натуру». На смену приходят «подавленность, апатия, безразличие», когда основной целью общества становится уже не достижение идеальной цели, а достижение элементарного покоя. В результате контрреволюция (или философия «порядка») столь же естественно сменяет революцию (беспорядок), как когда-то последний воцарился в стране. Реставрация, таким образом, оказывается в этой перспективе результатом логики самой революции, ее спонтанного движения к собственному концу. Между революцией и контрреволюцией есть некоторое сходство механизмов. Местр говорит о «природе вещей» и «уловках Провидения», чтобы подчеркнуть объективный характер и закономерность процесса, не зависящего от воли отдельных лиц. «Если возродится монархия, то решение о ее восстановлении будет исходить от народа не в большей мере, чем исходило от него решение о ее разрушении, т.е. об установлении революционного правления». Этот анализ позволил ему одному из первых в теоретической политологии использовать теорию цикличности для прогнозирования. Местр не только предсказал реставрацию монархии, но и

¹ Местр Ж.М. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.

описал процесс этой реставрации в деталях, близких к осуществившимся впоследствии. Таким образом, его прогноз — один из успешных примеров использования теории цикличности.

Другой представитель консервативно-либеральной мысли Ф. Шатобриан осуществлял ретроспективный анализ больших циклов революционной цикличности: «Революция разделилась на три части, между которыми нет ничего общего: Республика, Империя, Реставрация; кажется, будто между этими тремя разными мирами, безвозвратно ушедшими один за другим, пролегают столетия. Каждый из этих трех миров имел твердое основание: Республика зиждилась на равенстве, Империя — на силе, Реставрация — на свободе. Республиканская эпоха — самая своеобразная, она оставила самый большой след, ибо была единственной в своем роде: никто никогда не видел и более не увидит физический порядок, рожденный нравственным беспорядком, единство, созданное правлением толпы, эшафот, заменивший закон и действующий во имя человечества». Результатом всех перемен в обществе стало завершение цикла — бонапартистская модель власти, которая, с одной стороны, вырастает из революции и закрепляет ее результаты, с другой — означает возврат назад, к до-революционной стабильной авторитарной системе. Этот вывод был важен для социального прогнозирования развития сходных социальных кризисов в других странах Европы и всего мира (Шатобриан раскрывал эту проблему на материале сравнения революций в Англии, США и Франции), а также для определения перспектив развития французской политической системы (они усматривались в переходе от бонапартистской диктатуры к смешанной форме правления по типу парламентской монархии). Обращает на себя внимание сравнительная интерпретация конституционных циклов. В сравнении с Англией Шатобриан говорит: «некогда я видел, как старинная монархия превратилась в монархию конституционную, а та в республику; я видел, как республику сменила военная деспотия; теперь на моих глазах Франция отрекалась от военного деспотизма и возвращалась к свободной монархии; новые идеи и новые поколения воссоединялись с древними принципами и людьми старых правил»¹.

Основным достижением этого направления консервативной мысли явилась четкая постановка проблемы взаимосвязи социальной психологии и политических институтов, метаморфозы которых совпадали с циклической сменой общественных настроений. Данный подход выдвигал на первый план проблему легитимности институтов, а также выражающих их конструкцию конституций.

Эволюционистские теории придавали цикличности особое значение, стремились отыскать закономерности, которыми управляются движение общества и сме-

---

¹ Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 177—178; 268—269.

на его фаз. Интерпретируя развитие общества как познание мира, Фихте видел источник движения в постепенном переходе человечества от инстинкта к разуму (через сознание или науку разума). На этом пути он констатировал существование «необходимых циклов и эпох земной жизни нашего рода». Им выделено пять таких эпох — фаз циклов и обоснована невозможность других циклов кроме названных пяти, подчеркнута неотвратимость каждого цикла, развивающегося «по твердому плану». «Весь же путь, которым человечество проходит через этот ряд в здешнем мире, есть не что иное, как возвращение к той ступени, на которой оно стояло в самом начале; возвращение к исходному состоянию и есть цель всего процесса». Следовательно, смысл философии усматривался в понимании мира, а цель человечества в том, чтобы «установить в этой жизни все свои отношения свободно и сообразно с разумом»¹.

Цикличность, согласно взглядам Фихте, выражалась в правильной смене фаз от интуитивного движения к разуму (с переходными формами). Интуиция — обычное право. Разум — появление кодифицированных систем. Затем снова интуиция и разум? Конституционализация и реконституционализация как смена этих принципов в их внешнем выражении (цикличность здесь в корректировке линейного процесса рационализации).

Давая философскую и моральную критику современной эпохи, Фихте обличал особенно присущий ей дух сомнений и релятивизм познания, неопределенность и колебания в правовом устройстве, обнаруживающих в конституциях «собственное сознание своего ничтожества», отказ от традиционных религиозных и моральных ценностей в пользу государственных, замену философского знания — опытным. Особенность современной фазы цикла (или третьей эпохи) заключалась, согласно мыслителю, в соединении двух противоположных миров — темноты и ясности, принуждения и свободы, но данная эпоха не принадлежит господству ни одного из этих начал. Смысл эпохи — освобождение от принуждения слепого авторитета, но наука и разум еще не восторжествовали над суевением. Определение этой фазы звучит очень актуально — «Эпоха пустой свободы». Эти направления критики звучат очень современно.

Если принять эти идеи, то можно говорить, что единство всякой эпохи выражается в праве, мировой план находит отражение в формирующих идеях и школах (выражение практически в кодификациях и конституциях, даже противоположных по идеологическим подходам), цель — в установлении институтов, соответствующих идеалу правового государства. Развитие общества предстанет как постепенное осознание этой цели — от первых интуитивных попыток до формирования теории правового либерального государства и от нее (интегральная теория правового госу-

---

¹ Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М.: Харвест, 2000. С. 9—32.

дарства) к конституционной инженерии (которая решает вопрос практически исходя из различия ситуаций).

Критический анализ современной ему эпохи с позиций теории цикличности, начатый столь успешно Фихте, продолжил Гегель, ставший основоположником целостного философского мировоззрения, стержнем которого стали учение о противоречиях и концепция изменения (диалектика). Гегель предложил собственную концепцию цикличности, понимая ее не как механическое вращение по кругу, а как спиралевидное движение, на каждом витке которого представлено новое качество. В целом следует согласиться с теми, кто определяет гегелевскую концепцию как абсолютизм разума: идея рациональности мира доведена здесь до логического конца. В то же время это теория, впервые давшая объяснение изменений как следствия фундаментальных противоречий. Маркс, Конт и Спенсер лишь завершили эту мощную логику критического анализа социальных, политических и конституционных изменений Нового времени. Сконструировав свои монистические социологические доктрины, они выдвинули различные факторы, определяющие развитие общества — экономическое развитие, прогресс знаний и социальную дифференциацию. Однако у всех трех авторов речь шла о создании теорий общественного прогресса, в основе которых лежали концепции конфликта, стадий общественного развития и цикличности.

Современник этих мыслителей А.Токвиль усмотрел основной конфликт нового демократического общества в противоречии принципов свободы и равенства. Главную линию противоречий он считал возможным определить как столкновение демократии и авторитаризма, а выход из повторяющихся революционных циклов видел в решении проблемы легитимности конституционных преобразований¹. Именно этот мыслитель сформулировал основополагающие принципы либеральной демократии и указал на конституцию как основной инструмент регулирования социальных противоречий и защиты прав индивида.

1.4   Статика и динамика: теория экономических и политических циклов

В XX в. идея цикличности стала доминирующей в философии истории (О. Шпенглер, А. Тойнби), социологии (П.А. Сорокин, В. Парето), теории систем и кризисов (Л. фон Берталанфи, И.Р. Пригожин). Особенно подробно данная идея разработана в экономической мысли, которой принадлежит заслуга создания методологии изучения циклов (Н.Д. Кондратьев и Й. Шумпетер).

---

¹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. СПб.: Изд. И.Н. Кушнерев, 1906.

Специального анализа заслуживают дискуссии о цикличности в революционной и постреволюционной России. Аккумулируя достижения социальной мысли рубежа веков и политического опыта послевоенного мира, общественные науки формулируют одну из основных парадигм XX столетия — теорию социальных кризисов. Решающая роль в ее определении принадлежит Н.Д. Кондратьеву, вероятно, крупнейшему российскому мыслителю своего времени, давшему философское обоснование познаваемости социальных явлений, интерпретацию экономических и социальных кризисов, имеющих циклическую природу, а также предложившего разрешение проблемы предвидения в социальных науках.

Избрав предметом своего исследования первоначально проблему закономерности экономических процессов, он на большом эмпирическом материале (колебания цен на мировом рынке) выявил цикличность экономического развития, причем показал, что она может проявляться на разных уровнях (малом, среднем и большом). Отказ от линейных моделей социального развития, свойственных науке XIX в., стал вообще характерной чертой научной мысли послевоенного мира¹. Выйдя из школы М.М. Ковалевского, М.И. Туган-Барановского и А.С. Лаппо-Данилевского, являясь коллегой и политическим единомышленником П.А. Сорокина, разрабатывавшего проблему кризисов с социологической точки зрения, Кондратьев обладал исключительным талантом в теоретическом осмыслении социально-политических явлений.

Фактически речь в его трудах шла об эмпирической проверке выводов Маркса о неизбежности кризисов, их периодичности и органической принадлежности именно капиталистическому строю, ставился вопрос о возможности таких кризисов в различных социально-политических системах и формулировался вывод о рациональном их изучении и предсказании («морфология» кризисов). Фатальному представлению марксизма о законах капиталистической экономики и кризисах как их неизбежному проявлению Кондратьев противопоставлял идеи основателя социологии Огюста Конта о социальной инженерии, выражающейся известным лозунгом «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять». Марксистской концепции социального закона он противопоставлял неокантианскую его интерпретацию как выражение статистической тенденции. Социальная структура рассматривалась им с позиций социального моделирования. Один из первых в русской социологии он понял принципиальное значение неокантианской революции в теории познания, выдвинул на первый план идеи активного конструирования реальности, возможностей научного планирования.

Общей целью исследований Кондратьева должна была стать обобщающая теория социально-экономической динамики. Принципиальное теоретическое значение имеют труды Н.Д. Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры» (1925), «Про-

¹ Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.

блема предвидения» (1926), «План и предвидение» (1927)¹. Особое значение имеет написанная в Бутырской тюрьме итоговая рукопись «Основные проблемы экономической статики и динамики» (1931)².

В 1920 г. Кондратьев создал знаменитый Конъюнктурный институт, разработавший новые методики экономических исследований, получивших поддержку мировой науки.

Отталкиваясь от проблемы кризисов, он логически пришел к теории циклов конъюнктуры. Наряду с малыми циклами (со средней продолжительностью около 3,5 лет) и средними (7—11 лет), известными экономической науке, он впервые высказал предположение о существовании больших циклов со средней продолжительностью до 50 лет. Они получили в современной науке название «длинных волн» экономической динамики. Идея больших циклов формулировалась Кондратьевым в 1922 г. в книге «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», развивалась в работе «Большие циклы конъюнктуры» и в ходе дискуссии в Институте экономики в 1926 г.

Природа этих циклов интерпретировалась в науке совершенно различно. Ее усматривали во влиянии космических явлений (орбиты Солнца, Земли, других звезд и влияние этого на урожай), имманентных тенденций самой рыночной экономики, изменениях психологии людей, влиянии научных открытий и изобретений. Кондратьев предложил новый метод решения проблемы — изучение всего имеющегося статистического и описательного материала (уровень товарных цен, процент на капитал, заработная плата, оборот внешней торговли, уровень добычи и потребления угля и чугуна) о динамике экономических конъюнктур (повышательные и понижаательные волны) за возможно больший промежуток времени. Работа была основана фактически на всей доступной статистической информации по основным странам: Германии, Франции, Англии, и США XVIII — начала XX вв. Созданная Кондратьевым идеальная модель динамики большого цикла выявляла в его структуре существование трех основных фаз — подъем, кризис, депрессия — и демонстрировала, что понятие кризис можно только в контексте последовательного изучения всех выделенных фаз.

Этот вывод имел существенное значение для интерпретации радикальных социальных и политических изменений. Он показывал, что различные типы циклов могут переплетаться и накладываться друг на друга, оказывая воздействие различной степени интенсивности на социальную динамику. Они могут иметь различные темпы и формы проявления на восходящей и нисходящей стадиях циклов, в

---

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1993.

² Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука, 1991.

разных секторах экономики (индустриальном и аграрном секторах), выражаться в дестабилизации или стабилизации экономического и социального баланса.

Констатируя существование больших циклов экономической конъюнктуры, Кондратьев поставил вопрос об их влиянии на социальную динамику в виде войн, революций и радикальных социальных реформ, осуществляемых государством. Периоды возрастающей стадии больших циклов (так называемые повышательные волны) оказывались «значительно богаче крупными социальными потрясениями в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн». Очевидно, что опираясь на опыт мирового кризиса, связанного с войной и русской революцией, он стремился отыскать возможности рационального и объективного научного объяснения таких явлений и способы прогнозирования их возможности в будущем. Кондратьев предсказал мировой кризис («Великую депрессию») 1930-х гг., а также выход из него.

Одним из основных выводов данного исследования стала постановка вопроса о связи экономических циклов с политическими, хотя Кондратьев отрицал причинную зависимость между ними: «На периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество наиболее значительных социальных потрясений и переворотов, как революционных, так и военных»¹. Так, повышательная волна первого большого цикла включала такие события, как провозглашение конституции США, Французскую революцию, наполеоновские войны и военно-политические революции и реформы в Голландии, Италии, Швейцарии, Германии, Испании, Португалии под влиянием революции; аналогичная волна второго большого цикла застала такие события, как французская и европейская революция 1848 г., бонапартистский переворот, национально-объединительные движения и войны в Европе, завершившиеся объединением Италии и Германии, гражданская война в США, Парижская коммуна и ее подавление, образование Германской империи; наконец, третья волна, охватывающая период колониальных войн рубежа веков, первых русской (1905), турецкой (1908) и китайской (1911 г.) революций, Балканских войн и мировой войны 1914—1918 гг., завершившейся революциями в России, Австро-Венгрии и Германии, распадом этих империй и переустройством Европы по Версальскому миру.

Эта цикличность смены фаз войн и революций периодами более спокойного развития (приходящимися на понижательные волны циклов) делала необходимым установление их корреляции с экономическими процессами. Кондратьев уверенно отвергает господствовавшую в его время идею о связи больших циклов (в отличие от средних) со случайными событиями (как, например, изменениями техники, войнами и революциями, вовлечением новых территорий в орбиту мирового хозяйства, колебаниями в добыче золота). Он считает эти события скорее функцией и формой

¹ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. С. 56.

проявления больших циклов, имманентно присущих капиталистическому развитию. Из этого, однако, следовал ряд неудобных для официальной марксистской доктрины вопросов о возможности противостояния новой российской экономики влиянию глобальных тенденций экономического развития и предсказуемости будущих политических форм этого влияния. Основным аргумент противников теории больших циклов носил идеологический характер: если принять их существование, то следует принять и возможность последующей длительной фазы стабилизации капитализма. Это не вписывалось в доминирующую доктрину перманентной революции, сторонники которой считали, что дни капитала сочтены.

П.А. Сорокин в «Социальной и культурной динамике» отвергает цикличность реальных социальных процессов (поскольку нет прямого повторения), в частности, античное учение о закономерной циркуляции форм правления. Он вообще резко критикует теории цикличности. Объектом его критики выступают теории, утверждающие определенную и универсальную последовательность цикличности форм: «Подобные теории в той части, в какой они утверждают единообразную последовательность порядка изменения форм правления и политических режимов и определенную периодичность этих изменений, вряд ли могут быть приемлемы»¹. Вместо этого он вводит гораздо менее определенное понятие флуктуаций (колебаний), которые прослеживаются им по разным параметрам культурного развития и могут иметь различный характер.

Сорокин не склонен был принимать ни одну из имевшихся до него концепций истории, формируя свою собственную «достоверную» концепцию. Отрицая теории линейного развития, он исследовал флуктуации (колебания) в развитии общества и его элементов. В отличие от Кондратьева, он отрицал наличие закономерности этих колебаний и их циклический характер, исходил из представления о бесцельности и непериодичности этих колебаний. Учитывая объем собранного им материала, результат его последнего исследования поражает банальностью. Сорокин отвергает все концепции развития — циклические, линейные и статические. Единственно достоверной признается концепция «непрерывного изменения» главных повторяющихся тем, которая включает все названные концепции как частный случай.

Фактически Сорокин приблизился к выводу о строгой цикличности развития мировой культуры на уровне ее «суперритмов» в «суперсистемах культуры», утверждая, что западная культура «дважды повторила тройной цикл, состоящий из трех фаз — идеациональной, идеалистической и чувственной», что противоречило приведенным выше заявлениям Кондратьева. Он говорил также о чередовании трех со-

---

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. С. 562, 781—788, 803—808.

ответствующих им основных систем истины — истины веры, истины разума и истины чувств, а также их возможных различных комбинациях. Смена этих суперритмов (очень напоминающих стадии прогресса знания у Конта, его теократический, метафизический и позитивный периоды) и их цикличность связаны с логикой установления господства в культуре одного из указанных начал, которое, становясь доминирующим, вытесняет все другие и тем самым в конечном счете обнаруживает свои недостатки и внутренние противоречия. По мере укрепления ее господства система становится все более неадекватной потребностям общества (в силу постепенного роста «ложной» части системы по отношению к «истинной»). Тогда наступает ее кризис и устанавливается господство другого начала (или другого суперритма). Вся эта теория очень похожа на теорию формаций Маркса и теорию фаз развития знания О. Конта, эти две крупнейшие эволюционистские доктрины XIX в. Причины смены суперсистем культуры объясняются развитием самих этих систем, механизм которых еще не раскрыт.

Концепция позднего Сорокина выглядит значительно слабее и эклектичнее той, которая была представлена в его «Системе социологии» русского периода. Сорокин сделал прогноз о смене в будущем господствующей в его время (1937—1941 гг.) чувственной культуры идеациональной суперсистемой культуры. Он говорил о разворачивающемся «кризисе» чувственной суперкультуры (и в том числе ее правовых параметров), поиске «катарсиса» (в разуме или религии) в харизме и воскресении. Одно из проявлений кризиса современного общества усматривалось им в кризисе договорной модели права и экономики. Но при этом он говорил об этих процессах как тенденциях, подчеркивая их вероятностный характер и отсутствие жесткой детерминированности.

Критикуя позитивизм XIX в. и начала XX в., Сорокин аргументировал его научную несостоятельность тем, что не сбылись все эмпирические теории XIX—XX вв., от экономических прогнозов до теорий прогресса, социокультурной эволюции, закона трех стадий, социальных и культурных тенденций. Не сбылись, однако, и собственные прогнозы Сорокина, впрочем, крайне неопределенные. Его анализ заканчивается паническим высказыванием: «Подобно бревну, попавшему в Ниагарский водопад, мы зависим от непредсказуемых и неуправляемых социокультурных потоков и беспомощно плывем от одного кризиса к другому, от одной катастрофы к другой».

Этот анализ показывает, во всяком случае, что теория циклов находилась в центре социологической мысли, а усилия ее критиков не увенчались созданием какой-либо альтернативной теории подобного уровня абстракции, способной объяснить повторяемость экономических, социальных и политических кризисов, а также соответствующих им изменений правовой системы.

Медушевский, А. Н.

М 42 Теория конституционных циклов [Текст] / А. Н. Медушевский; Гос ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 574, [1] с. — Библиогр.: с. 512—553. — Алф. указ.: с. 554—570. — 1000 экз. — ISBN 5-7598-0271-2 (в пер.).

Общий замысел книги — показать значение циклической модели для объяснения конституционных изменений: рассматривается сам механизм цикличности, его проявления в условиях радикальных конституционных кризисов. Предметом исследования является соотношение политических и правовых параметров, определяющих развитие современного конституционного процесса. На основании правовых актов, социологических данных и интернациональной литературы анализируется мировой и российский опыт. Рассматриваются направления конфликтной динамики современного конституционного процесса, теория и практика конституционализма стран западной демократии и транзитных обществ, их связи с политическим режимом, отношениями власти и собственности, стереотипами социальной психологии.

Для политиков, юристов, а также для всех, кому интересна проблематика конституционного развития и конституционных реформ.

УДК 340.15

ББК 67.400

Научное издание

Медушевский Андрей Николаевич

Теория конституционных циклов

Редактор *А.С. Жулева, Е.Н. Ростиславская*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Компьютерная верстка *Н.Е. Пузанова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 30.05.2005 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Гарнитура Ньютон.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 42,12. Уч.-изд. л. 46,05. Изд. № 345. Заказ № .

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77
Факс: (095) 134-08-31